

ГУРМАНАМ, изошрившим вкус на золотешвейной мемуаристике вроде "Травы забвения" или "Алмазного венца" В. Катаева, "Писательский клуб" К. Ваншенкина покажется недостаточно затейливым: беллетристики маловато.

Те же, для кого в воспоминательной литературе точкой отсчета являются "Былое и думы", в "Писательском клубе" обнаружат нехватку эпического замаха, герценовской духовной одиссеи...

Однако в данном сравнении нет упрека. Традиция книги К. Ваншенкина иная. Так в старые добрые времена просто и ясно доверяли бумаге воспоминания о прожитой жизни Гавриила Романовича Державина, Иван Ивановича Дмитриева, Петра Андреевича Вяземского...

В прозе, а тем более в мемуарной, интонация – синоним честности, искренности либо фальши, сочиненности. К. Ваншенкин и вообще-то интонационно узнаваемый поэт, а в прозе это его своеобразие как-то особенно человечно и обаятельно. За этой внутренней, недекларируемой честностью стоят и поколение, и Великая Отечественная, и культура. Как сказал о нем когда-то в

плох. А уже судьба из этих "кадров" делает свой "монтаж".

Свой "монтаж" и у Истории. Тем интересней чередование "кадров", имен, лиц, поступков, характеров в книге мемуаров К. Ваншенкина. Тем значительней эти непарадные, порой "домашние" зарисовки, что автор знал лично и описывает тех, кто действительно определял лицо эпохи, если не всего XX века. Взять хотя бы безжалостно ужатый список: А. Твардовский, К. Симонов, Я. Смеляков, В. Некрасов, Ф. Абрамов, Я. Френкель, М. Бернес, Ю. Гагарин, Л. Миль, А. Старостин...

Но как при этом не упомянуть А. Фатьянова, П. Шубина, С. Гудзенко, И. Гофф, Б. Слуцкого, Е. Винокурова?

И вдруг из всего этого пестрого, живого многообразия неуловимо и, кажется, без всяких усилий вырисовывается **стиль времени** как родовой знак эпохи, которая буквально на наших глазах в последнее десятилетие обернулась громко захлопнувшейся страницей новейшей истории.

Блестящи как бы мимоходом обранные детали: траурный митинг писа-

те, господин Гоген", читающиеся как стихи в прозе.

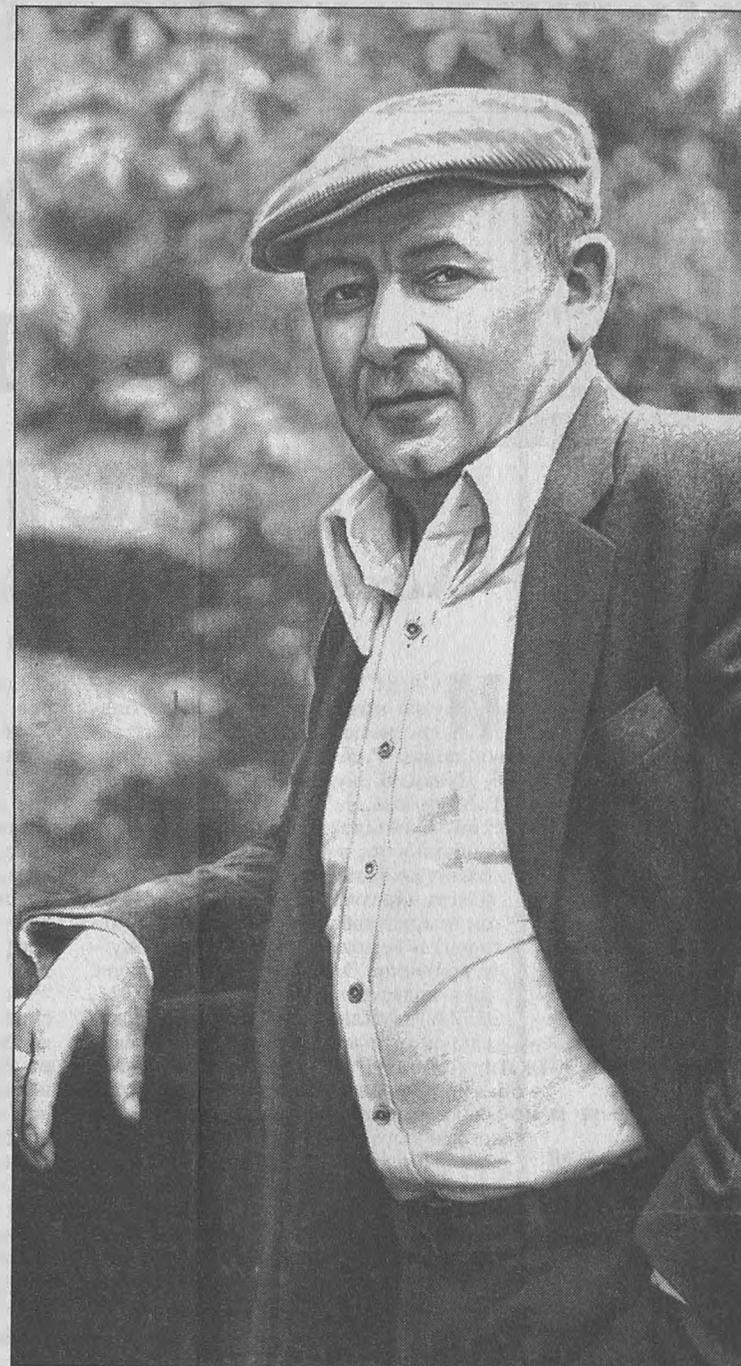
Пожалуй, никто до К. Ваншенкина не написал такого ядовито-меткого группового портрета писательских жен. Вот уж точно на многие годы он, как сказал бы С. Островой, "закрыл тему".

Но рядом с иронией, сарказмом, литературным анекдотом, с изящной арабеской вдруг пробиваются иные токи – то это глубокие размышления о поэтическом пути А. Тарковского и Б. Слуцкого, то рассказ о странной литературной судьбе П. Нилина, то короткие новеллы "Некрасов и Тендряков", "Здравствуй-

“Старый забытый вальсок...”

Константин Ваншенкин. Писательский клуб.
М. Вагриус, 1998

Литературная
газета – 1998,
– 22 мая, –
– с. 10

написания нового, послемихалковского гимна и как в его стихотворении "История партии", где, видите ли, упоминался только Ленин, ему злокозненно приписали еще и Сталина...

Может быть, самой объемной, глубокой и противоречивой фигурой книги К. Ваншенкина предстает А. Твардовский, крупный во всем, даже в своей несправедливости. Когда он, к примеру, говорит Ваншенкину о Пастернаке: "не много потеряли" – что, дескать, незнакомы с ним, он отнюдь не мелочен или завистлив. Так могли бы относиться друг к другу Евклидова и не Евклидова геометрия, растущие из одного великого корня математики (читай – Поэзии!..).

Одни из лучших страниц в книге – воспоминания К. Ваншенкина о недавно ушедшем поэте В. Соколове. Это последняя по времени из написанных работ. Для меня в ней открывается не только "неизвестный", спорный, "нехристоматийный" Соколов, но и неузнаваемо новый К. Ваншенкин. Если в нем и начинается с этого эссе-воспоминания мощное второе (или третье? какое?) дыхание, то уж явно не "легкое". Впервые я вижу жесткость взгляда, безжалостность деталей, покушение на мифы. Это как бы прощание (несколько нервное) с невозвратным временем, с идеалами, с собой самим, с любимыми чувствами и мыслями.

В интонации самого К. Ваншенкина появился свойственный ему трагизм. Не знаю, с чем он связан и как еще отзовется в его новых работах, но размышления над книгой его воспоминаний в конце концов оказываются далеко не безоблачными. **Время прошедшее**

длится, как ни посмотри, длится не только в нашей памяти, любви, но и в наших грехах, пороках. Именно в этой части оно неистребимо живуче и передается в настоящее и будущее. Не потехи же ради к концу своих мемуаров припас К. Ваншенкин "моментальный снимок" из новых, уже последних времен. Когда Льва Николаевича Гумилева на телевидении после его рассказа о научных трудах, о судьбах его родителей, о собственной судьбе спросили:

"– А теперь, Лев Николаевич, может быть, вы хотели бы что-нибудь сказать Верховному Совету?"

Гумилев ответил, что желал бы обратиться к руководству со словами, которыми встречал каждый лагерный подъем его сосед по нарам:

– Дайте жить, гады!.."

Геннадий КРАСНИКОВ

своей приземленной манере Б. Слуцкий: "Врать в стихах не то что не привычен, а попросту не обучен". Все, что пишет К. Ваншенкин – в стихах ли, в статьях, в художественной прозе, в мемуарах (а пишет он до сих пор на удивление много и молодо!), – отличает, на мой взгляд, еще одно характерное качество, которое я назвал бы "легким дыханием" (вспомним одноименный прелестный бунинский рассказ!). Если определеннее: "легким дыханием моментального снимка". Что нередко ставилось ему в вину, как в том известном благорасположенном письме А. Твардовского, который напутственно предостерегал К. Ваншенкина от ухода от жизни пусть и в блестящую, но миниатюру, мимолетную зарисовку. Грубо говоря, в пустячок. Даже в песне у него так: скажем, не вальс, а "старый забытый вальсок". Но тем и непревзойденна мимолетность "моментального снимка", что она как бы запечатлевает жизнь врас-

телей в дни смерти Сталина. Все пели "Интернационал". "Запевал Софронов". И сразу "минуты жизни роковые" теряют свой пафос, метафизический холод, и ты зримо видишь, кого же "призвали все благие как собеседника на пир"...

Мне всегда нравился эстетический глазомер К. Ваншенкина. И в мемуарах он также удивляет точностью своих оценок: "пронзительная бесхитрость" (о поэзии М. Исаковского); "тонкость под маской прямолинейности" (о Б. Слуцком) или: "для своего поколения Глазков был как Хлебников – для Маяковского и Асеева" (как парадоксально верно подмечена эта "хлебниковская суть" в Глазкове!).

Еще одно неожиданное "сближение": А. Ахматова и К. Некрасова. Вроде бы на житейском уровне: Некрасова, "носившая платье или сарафаны, большая часть дареных... легко принимала подарков, могла сама попросить рубля два на

те, господин Гоген", читающиеся как стихи в прозе.

И все же нельзя не коснуться в связи с этой книгой, в частности, одного серьезного обстоятельства: чем безупречнее и честнее написаны воспоминания, чем достовернее передан в них Стиль времени (суть эпохи), чем очевиднее неразрывность автора с этим Стилем, принадлежность к нему, тем разительней дистанция (или – непонимание!) между недавним прошлым и настоящим, между временами, эпохами. Такова участь всяких мемуаров.

Взять хотя бы пиетет К. Ваншенкина (вполне искренний и, безусловно, небезосновательный в системе координат конкретного времени) к личности К. Симонова. Здесь бросается в глаза весьма значительный люфт между восприятием современников и последующих поколений, в который, как в бездну, провали-

лись некогда внушительные фигуры. Как это ни прискорбно, но они так и останутся в истории лишь в качестве фигурантов мемуаристики. Прокатилось не так уж много приливов и отливов времени, но уже теперь ближайшим поколениям невозможно взять в толк, на чем, собственно, крепился столь несоразмерный поэтический, прозаический, общественный авторитет тех же К. Симонова, А. Суркова, П. Антокольского, А. Фадеева, не говоря уж о Г. Маркове... За редким исключением К. Ваншенкин обнажает скрытые "пружины" этого могущества. Он не аналитик, он сам участник тех событий!.. Свои, свои причинно-следственные связи и отрицания у каждой эпохи! И даже иронизируя над автором Гимна Советского Союза С. Михалковым, он без заметной самоиронии оставляет для потомков воспоминания о том, как сам участвовал в конкурсе по